

УДК 821.112.2

**БЕРЛИН КАК МИНИАТЮРА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
РОМАНА Э. КЕСТНЕРА «ФАБИАН. ИСТОРИЯ ОДНОГО МОРАЛИСТА»**

А. В. МОРДЯХИНА

(Представлено: Л. Н. СЕМЧЁНОК)

Рассматривается специфика трактовки образа столицы Веймарской республики – города Берлина – в романе Э. Кестнера «Фабиан». Отмечается использование автором различных средств сатирического изображения действительности (гротеск, вульгаризмы, контраст).

Городская жизнь – одна из любимых тем авторов «новой деловитости». Немаловажную роль играет столица Германии и в романе Э. Кестнера (Emil Erich Kästner, 1899–1974) «Фабиан. История одного моралиста» (Fabian. Geschichte eines Moralisten, 1931). События большей части романа (первые двадцать глав) происходят в Берлине, и только действие последних четырёх глав разворачивается в Дрездене.

Уже в начале повествования Берлин сравнивается с «ярмарочной площадью»⁴². Воспользовавшись для сравнения лексемой “Rummelplatz”, образованной от глагола “rummeln” (шуметь, грохотать), Кестнер моментально погрузил читателя в звуковой поток большого города с его индустрией развлечений, ночными клубами и другими престижными увеселительными заведениями. Ярмарочный Берлин Кестнера торгует всем: товарами, услугами, людьми и их чувствами, сопровождая свой бизнес балаганным весельем.

Здесь писатель использует такой стилистический приём, как парадокс. Зачастую образ ярмарки, шумной и кипящей жизнью, вызывает лишь положительные эмоции; в романе же, благодаря сравнению города с ярмарочной площадью, обличаются происходящие в нём события, которые унижают человеческое достоинство.

Роман строится на контрасте тягостной атмосферы ожидания катастрофы и безумной праздности. За развлечениями, пьянством, танцами герои обсуждают проблемы экономического развития, политические и социальные вопросы, такие как кризисное состояние института семьи и брака, а также собственную жизнь.

По аналогии с красочным разнообразием и суетой жизни большого города Кестнер выстраивает и всю повествовательную стратегию романа. Быстро сменяющиеся друг друга события, лица, обстоятельства воссоздают динамику жизни большого города, быстротечность времени и мимолетность чувств.

В так называемых городских джунглях тесно переплетаются между собой блеск и нищета, безработная праздность и отчаянная безработица, социальный бунт и сексуальная распущенность, благоговейное почитание представителей высшего общества и политические беспорядки, где левые и правые фанатики беспощадно нападают друг на друга. Неслучайно Кестнер первоначально намеревался назвать свой роман «Содом и Гоморра» [2, с. 5], и главный герой, Якоб Фабиан, использовал именно этот фразеологизм для характеристики Берлина, когда прогуливался по городу ночью с Корнелией Баттенберг.

Проституция, гомосексуализм и денежные махинации – все человеческие пороки нашли себе приют на улицах и в увеселительных заведениях этого города: в кафе, «где надушенные молодые гомосексуалисты танцуют с элегантными актерами и смазливymi англичанами»⁴³, в ресторанах «где русские и венгерские евреи занимают друг у друга деньги или просто занимаются надувательством»⁴⁴, и в пансионатах «где несовершеннолетние гимназистки по вечерам торгуют собою»⁴⁵.

Для Фабиана Берлин подобен сумасшедшему дому, в котором «на востоке процветает преступность, в центре – жульничество, на севере – нищета, а на западе – разврат, словом повсюду гибель»⁴⁶. Писатель иронически рисует карту города, однако это описание гиперболизировано, так как слова «повсюду гибель» слишком категоричны, ведь даже в жизни главного героя находится место таким явлениям, как любовь и дружба, что весьма контрастирует с разрушительным вердиктом автора.

⁴² «Rummelplatz» [1, с. 21]

⁴³ «...wo parfümierte homosexuelle Burschen mit eleganten Schauspielern und smarten Engländern tanzen» [1, с. 106].

⁴⁴ «...wo russische und ungarische Juden einander anpumpen oder sonst wie übers Ohr hauen» [1, с. 106].

⁴⁵ «...wo sich nachmittags minderjährige Gymnasiastinnen verkaufen» [1, с. 106].

⁴⁶ «Im Osten residiert das Verbrechen, im Zentrum die Gaunerei, im Norden das Elend, im Westen die Unzucht, und in allen Himmelsrichtungen wohnt der Untergang» [1, с. 106].

Знакомая сторона жизни большого города – Фабиан – а вместе с ним и автор, мечутся в мучительных поисках жизненных ориентиров и не находят их, несмотря на всю пестроту и разнообразие предложений. Осознание того, насколько многолик Берлин, приходит к Фабиану во время его поездки в северную часть города. По пути он всматривается в серые ряды домов и освещённые окна комнат, «где незнакомые люди сидели за столами и ждали свершения своих судеб»⁴⁷. Кестнер подчёркивает, что большинство жителей города пассивны в такое тяжёлое для государства и их самих время. Писатель уличает их в бездействии, и сатира играет здесь не комическую, а разоблачительную роль.

Таким образом, в романе у Берлина появляется словно бы две противоположные стороны: он одновременно и светится, переливается яркими вывесками, и отталкивает своей мрачностью и серостью. Кестнер рисует не только критическую, но и почти исключительно негативную картину города и его жителей, которые изначально рассматриваются, как сумасшедшие, обличая выбранный ими образ жизни.

Что касается представления о ночной жизни и её фигурах, то сатира становится ещё яснее: сексуальность нового времени проявляется прежде всего в ненормальных и причудливых формах. Морализаторское возмущение жизнью столицы, погрязшей в разврате и преступлениях, высказывается Фабианом, которого откровенно привлекает ночной город с его порочными обитателями. Главный герой не предпринимает никаких попыток противостоять тому, что ему не нравится в окружающем мире, заранее будучи уверенным в тщетности таких действий.

Роман «Фабиан» был написан в 1931 году, что позволяет сделать вывод, что описанные в нём реалии немецкой действительности можно рассматривать в качестве своего рода исторического документа, зафиксировавшего первые признаки надвигающегося распада Веймарской республики, завершившегося сменой государственной власти. Глобальный экономический кризис, разразившийся в 1929 году, усилил позиции политических радикалов и знаменовал собой поворотный момент в окончательном разрушении существующих политических и социальных структур.

Ахиллесовой пятой политической системы Веймарской республики стала её фрагментарность, что вело к политической дезориентации многих партий и росту напряжённости между радикальными правыми и не менее радикальными левыми. Реакция на левую динамику сопровождалась формированием авторитарного, насильственного, фашистского правого крыла.

В отличие от многих своих современников, видевших выход из возникшего в стране политического кризиса в усилении идеологического влияния той или иной политической силы, Кестнер не раз заявляет о своём ироничном неверии в успех радикальных способов решения возникших проблем, призывающих к жесткой борьбе со своими политическими оппонентами: «Вы, конечно, скажете, что существуют два массовых движения. Эти люди, независимо от того, наступают ли они справа или слева, хотят вылечить болезнь крови, отрубив больному голову топором. Разумеется, болезнь крови перестанет существовать, но ведь и больно то же, а это значит, что лечение было слишком радикальным»⁴⁸.

Примечательна присутствующая в романе гиперболизированная сцена перестрелки между приверженцами коммунизма и национал-социализма: оба раненых противника в итоге оказались в одном такси и вместе отправляются в больницу. Сама перебранка между ними, сдобренная букетом соответствующих политических лозунгов, выглядит комично, а их взаимные обвинения вместе с тем утрачивают свою значимость и превращаются в формальное пустословие. Националист называет коммуниста «предателем народа»⁴⁹, на что тот отвечает, что его оппонент – «предатель рабочих»⁵⁰.

В конце концов, оба участника перестрелки опускаются до таких выражений, как «недочеловек»⁵¹ и «обезьяна»⁵². Эта сцена, несмотря на серьёзную политическую подоплёку, вызывает улыбку, так как двое взрослых мужчин, желая защитить свои политические интересы, на время конфликта становятся глупыми детьми, ведь их оскорбления абсолютно бессмысленны. Лечащий врач в больнице, в которую попадают пострадавшие, словно обобщая произошедшее, подводит с немалой долей сарказма свой неутешительный итог, обвиняя в усилившихся беспорядках катастрофическую политическую и экономическую ситуацию в стране: «Похоже, что они хотят, перестреляв друг друга, снизить количество безработных»⁵³.

⁴⁷ «...wo fremde Menschen rund um den Tisch saßen und auf ihr Schicksal warteten» [1, с. 167].

⁴⁸ «Sie werden einwenden, es gebe ja zwei große Massenbewegungen. Diese Leute, ob sie nun von rechts oder links anmarschieren, wollen die Blutvergiftung heilen, indem sie dem Patienten mit einem Beil den Kopf abschlagen. Allerdings wird die Blutvergiftung dabei aufhören zu existieren, aber auch der Patient, und das heißt, die Therapie zu weit treiben» [1, с. 46-47].

⁴⁹ «Volksverräter» [1, с. 74]

⁵⁰ «Arbeitsverräter» [1, с. 74]

⁵¹ «Untermensch» [1, с. 74]

⁵² «Affe» [1, с. 74]

⁵³ «Im übrigen hat man den Eindruck, sie wollen die Arbeitslosenziffer senken, in dem sie einander totschießen» [1, с. 75].

Политическая напряженность в обществе нашла свое отражение в романе через отличие политических взглядов двух главных героев повествования, друзей – Якоба Фабиана и Стефана Лабуде. Лабуде – системный теоретик, который хочет реформировать существующую политическую систему, борется за достойные зарплаты и льготы и активно принимает участие в собраниях левой партии. Фабиан также критикует власть, однако он сомневается, что силу и разум можно объединить. Он считает, что нужно изменить не систему, а, в первую очередь, человека.

Фабиан хочет сделать людей порядочными и видит в этом основу счастливого, успешного существования, однако в то же время он не желает подниматься на политические высоты. Он говорит другу: «Я знаю, ты ищешь власти. Но мне она на что, ведь я не хочу властвовать»⁵⁴. Лабуде парирует: «Власть можно использовать не только в своих интересах»⁵⁵, подчёркивая главную беду Фабиана: «Ты начисто лишён честолюбия, в этом вся беда»⁵⁶.

Бранные выражения и ругательства являются порой неотъемлемой частью сатирического произведения, так как они помогают создать комический эффект. Так, Фабиан саркастически относится к идеям своего друга, считая, что современное общество неспособно жить в таком «раю»: «В твоём раю люди ещё будут бить друг друга морду!»⁵⁷. Такое выражение, как «морда», резко контрастирует с понятием рая, так как обычно это место, в котором априори не могут происходить грубые конфликты.

Данный спор в некотором смысле является сатирически гротескным: Фабиан обвиняет лишь человеческую природу, а Лабуде критикует динамичную циничную систему, и, хотя различие в политических позициях не оказывает существенного влияния на дружбу героев, им так и не удаётся достичь согласия. Как было сказано ранее, если размышления Фабиана отражают некоторые из личных соображений Кестнера, то взгляды Лабуде являются другой, противоположной частью – соответственно, аргумент между двумя персонажами романа является также и диалогом автора с самим собой.

В заключение отметим, что в романе «Фабиан» Эрих Кестнер сосредотачивает своё внимание на изображении жизни, хорошо ему знакомой, моделируя атмосферу последних дней существования Веймарской республики. Устами своих героев Кестнер фиксирует неопределённость и шаткость политической ситуации в стране, катящейся в пропасть страны. С присущим ему юмором писатель изображает последние годы существования первого немецкого демократического государства со всеми его отличительными особенностями: ужасающей инфляцией и безработицей, свободными сексуальными нравами, лживостью прессы и демагогическими прогнозами будущего расцвета немецкой нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кестнер, Э. Фабиан. История одного моралиста / Э. Кестнер. – М. : Худож. лит., 1990. – 239 с.
2. Липисивицкий, Н.Л. Жанровая специфика изображения Веймарской республики в романе Эриха Кестнера «Фабиан» (1931 г.) / Н.Л. Липисивицкий. – Житомирский государственный университет им. Ивана Франка, 2014. – 9 с.

⁵⁴ «Ich weiß, du suchst sie. Aber was fange ich mit der Macht an, da ich nicht mächtig zu sein wünsche?» [1, с. 62].

⁵⁵ «Man kann die Macht im Interesse anderer verwenden». [1, с. 62].

⁵⁶ «Du hast keinen Ehrgeiz, das ist das Schlimme» [1, с. 62].

⁵⁷ «Noch in dem Paradies, das du erträumst, werden sich die Menschen gegenseitig die Fresse vollhauen» [1, с. 212].